

Академик Гр. Капанцян

Об одном хеттском мифе в связи с журавлем и божеством весны

Подобно тому, как открытие и чтение клинообразных надписей положили со второй половины XIX в. прочную основу для изучения истории, культуры и языков древней Месопотамии, Элама, Персии и Урарту, в параллель тому же значению иероглифов Египта, точно также открытие и чтение хеттских клинообразных надписей в первой четверти XX в. внесли коренной переворот в дело изучения исторического прошлого древней Малой Азии. Этот вопрос касается в некотором отношении и прошлого судеб армянского народа, армянской культуры, армянского языка, что отчасти рассмотрено в некоторых моих монографических трудах.

Вообще же говоря, наличие этого нового эпиграфического (т. е. клинописного) материала имело еще то крупное теоретически-методологическое значение, что освободило ученых от довлеющих над ними уз и некоторой фетишизации данных Библии и греко-латинских писателей. В этом понимании должно существенно перестроиться и арменоведение в отношении, конечно, своих древнейших источников. Данных классических писателей мы, естественно, не должны переоценивать, особенно когда есть материалы и из более древних малоазийских этнокультур, не говоря уже о переживаниях в родной армянской среде, в ее исторических письменных документах и в живом быту.

Хеттские же клинописные материалы представляют большой научный интерес, богаты многообразным содержанием и написаны на восьми языках, главным образом на „хеттском“. Эти документы (до 10 000 надписей) в большинстве случаев раскопаны трудами Гуго Винклера в 1905—1907 и в 1911—1912 гг. из архива хеттских царей. Позднее же, начиная с 1931 года, археолог Курт Биттель возобновил эти работы в городе Хаттуса (нын. село Богазкей, в Турции, недалеко от Кесарии) и в продолжение восьми лет открыл еще другие новые надписи (до 6 000, а в одном только 1936 г. ему удалось найти 280 печатей с хеттскими иероглифными надписями). Содержание хеттских надписей довольно богатое: тут есть и политические документы, договоры царей, военные надписи—летописи с описаниями завоеваний и пр., свод законов, гимны, молитвы (напр., молитва от малярии царя Муршилы), гадания, предзнаменования (omina), эпические отрывки, как, напр., известное сказание о Гильгамеше в хеттском

переводе (дефективно), затем миф о боге Инара и драконе Илуйанка, ритуал хеттского жреца Папаникри и т. д. и т. п.

Меня здесь специально заинтересовал один хеттский миф, изданный в 1926 г. в Берлине Переднеазиатским отделом Государств. музея („Keilschrifturkunden aus Boghazköi, Heft XIV—XVII). Пользуюсь передачей содержания этого дефектного, но содержательного мифа по рецензии Ферд. Зоммера в журнале „Kleinasiatische Forschungen“, Weimar, Band I, Heft 2, стр. 345). Мой интерес в частности усугубляется еще тем обстоятельством, что в этом мифе затрагивается культ божества весны с его символикой в лице журавля, а эта или подобная сторона вопроса не чужда и другим народам, в частности и армянам. У последних культ весны в ее сикретическом аграрно-натуралистическом понимании и символизации в образе быка, аиста и рыбы выступает, как это мной доказывается, в лице легендарного Ара Прекрасного (см. ненапечатанный мой труд „Культ Ара Прекрасного у древних армян“). Данные этого армянского мифа всецело идут навстречу точному определению содержания хеттского божества Телибину и птицы „харана“, как главных фигур хеттского мифа. Тут целенаправленность и мотивировка как бы совпадают в обоих мифах: одинаковые идеологии, одинаковые фигуры, одинаковая символика. В отношении интересующего нас здесь хеттского мифа эта сторона дела дается, главным образом, в описательной части самого мифа. Но этого мало. Мной добавляется интерпретация самих имен „героев“ мифа, если так можно выразиться. Этимология, которая здесь предлагается для божества Телибину и птицы „харана“, полностью устанавливает вышеопределенную целеустановку или направленность, связанную с культом бога весны. В этом деле нам помогают не только одни этимологии и интерпретации, но и некоторые параллели в армянском.

Перейдем к описанию самого хеттского мифа так, как описывает Ф. Зоммер в вышеприведенном журнале. К несчастью, он дает только голое описание, без комментариев и без приведения текста на самом хеттском языке. Наличие самого текста мне помогло бы в выяснении и уточнении некоторых подробностей, в частности в уточнении существования птицы „харана“, которая будто бы может нырять, как переводит Зоммер.

Судя по описанию Зоммера, хеттский миф излагается в четырех клинописных колонках, причем каждая из них имела до трех или четырех десятков строк. Ф. Зоммер так описывает содержание этого мифа: „Существенное содержание первой колонки это то, что бог Телипину в гневном состоянии удаляется, и тогда начинается большая нужда (недостаток), под влиянием которого даже сами боги страдают от голода. „Большие и малые“ боги ищут выхода из положения. Его отец, бог грома, посылает птицу *harana*, как вестника, за ним и, наконец, на совещание направляется сам МАН [=нем. *erhaben*, „высокий, возвышенный“]. Этот эпизод непосредственно напоминает нам подобные же поиски за богом солнца по таблице из

Юзгата. Во второй колонке следуют заклинания богу. В конце ее (33-я строка и сл.), видимо, возвращается Телипину, громяхая в облаках. Камрушена замечает его, птица *ḫaḡana* снова вынырывает из воды (остальное разбито). В третьей и четвертой колонках сам Камрушена жертвоприношениями и заклинаниями испрашивает возвращение бога Телипину. Начиная с 20-ой строки четвертой колонки бог [Телипину] снова исправляет свою должность, и все идет к хорошему" (см. *Kleinasiatische Forschungen*, V. I, N. 2, стр. 345).

Разберем роль главных фигур нашего мифа, как и этимологию их имен, выясняющие их содержание и функции.

Прежде всего нас должно интересовать, конечно, само божество Телипину, гневный уход которого, как видели, вызвал голод среди людей и богов. Несомненно, он бог весны (*Frühlingsgott*) и плодородия, как на это обратили внимание Э. Форрер и А. Гётце. Мои комментарии в связи с параллелью подобного культа у армян и символикой аиста подтверждают облик хеттского бога Телипину, как бога весны и плодородия. Коснемся распространения и происхождения самого слова. Имя Телипину пишется и Телепину, а также изрелка и Телибину (*resp.* Телебину). В хеттском пантеоне он играл видное место, судя уже по тому, что он много раз упоминается в договоре царя Суппилулиума с митаннийским царем Маттиуаза, где заклинается бог Телипину городов Тавинья, Турмитта и Ханхана. Еще в XVII в. упоминается под таким же именем один хеттский царь, хотя, как заметил П. Кречмер, у хеттов не наблюдается, чтобы цари носили имена богов и наоборот (см. в том же журнале, стр. 13—14). У ликийцев также упоминается подобное же имя. Напр., по данным греческих писателей, в ликийском городе Патара был *téléphios dēmos* „телепский народ“ и *téléphu krēnē* „источник Телепы“. Точно также на одной ликийской монете читается по-ликийски *Telebehīḫa*, как и в одной надписи—*Telebehī*. Ученый П. Кречмер предполагает, что на найденном в Западной Малой Азии, в долине реки Кайкос, рельефе супругом или другом богоматери нужно считать *Telepīnu* или *Telepī*, т. е. известного нам хеттского бога. Это имя перешло и к ахейским грекам чрез их малоазиатские древние поселения. У них оно звучало *Tēlephos*, что народно этимологизировалось с лучем, как сын глаза и пр. У хеттов женой бога Телипину считалась *İṣṣaḡa* (Ишхара), которая, по мнению П. Кречмера, заменяла вавилонскую Иштар. Сыновьями Телипину и Ишхара считаются *Taḡḫon* (=хеттскому *Taḡḫi* или *Taḡku* =армянскому *Տորք*, *Torkh*) и, вероятно, *tuḡrhenos* (=этруск). От этого малоазиатского *Taḡku* чрез этрусков получилось римское имя царей *Tarquinius*.

Перейдем к этимологии слова *Telepīnu*. Несомненно, что оно производное образование от простого *telepī*, на что указывают греческое *téléphos*, ликийское *Telebehīḫa* и *Telebehī*, а также в самом хеттском приводимое „*telepī*—боги“, название каких-то простых богов. Суффикс *-īnu* в слове *Telepīnu*, видимо, имел ласкательно-умень-

шительный характер, как это я вижу и в имени хеттского бога *Hatebini*, если его сравнить с халдским богом *Atbini*, где *lni* есть чисто халдское окончание. Как увидим ниже, данные армянского языка также поддерживают изначальность и, видимо, нарицательное происхождение хеттского бога весны *Teliripi* от простого *teferi*, означавшего вид каких-то богов низшего ранга. А. Гётце это имя Телипину видит и в -протохеттском *Talirip*, а корень *talir* сравнивает с латинским *talpa* „крот“.

Оставляя эти попытки найти изначальное значение и происхождение корня имени Телипину, что едва ли доказуемо, я здесь должен снова оттенить его значение и роль в хеттском пантеоне. Уже было сказано, что Э. Форрер и А. Гётце предлагают в нем видеть весеннего бога, основываясь на данных одной хеттской надписи (Bo 2303)¹. Мне неясно, является ли надпись, исследуемая здесь, надписью, повествующей о Телипину, птице харана и пр., или это другая надпись. По приводимым хеттологами данным, Телипину по своему положению или рангу стоял наравне с богом солнца, ибо обоим преподносились одинаковые яства. Я думаю, что в рельефной сцене „Язлы-кайа“, где дается ритуал шествия богоматери навстречу свите какого-то мужского бога, последний должен быть нашим Телипину. Точно также, известное изображение бога с колосьями и виноградными гроздьями должно быть символом нашего бога весны и плодородия. Пред ним, как известно, стоит молящийся с поднятыми и вытянутыми вперед руками. Данные нашего мифа говорят также о том, что Телипину как бы подчинялся небесному богу грома и молнии, т. е. хеттскому *Data*, что заменяет субарийского и халдского Тешупа и вавилонского Адада.

Мне непонятным остается роль и имя Камрушепа. Женская ли это фигура или мужская? Переводчик Ф. Зоммер не приводит для этого никаких данных. Камрушепа своими заклинаниями и жертвоприношениями как бы способствует возвращению Телипину. Само имя кажется мне сложным и хеттским. Первую часть *Kamr* (из *Kamat*) я бы сопоставил с хеттским *katmag*, что значило, по И. Фридриху, первоначально „луч“, „свет“, „воздух“, а по моему, вероятно, значило „воздушное пространство“, „небесный круг“, „свод“, имея в виду греческое *katagē* („свод“, „сводчатое“), иранское *katag* (*катага* „пояс“), лат. *catena*, нем. *Katmer* и пр., видимо, заимствованные из малоазиатского хеттского мира (см. у меня в „*Chetto-armeniasa*, стр. 67).

В нашем мифе выступает также бог грома и молнии, который посылает за богом Телипину вестника, а именно птицу харана, и, наконец, отправляется лично на совещание с этим богом, видимо,

¹ Об этом см., напр., в статье П. Кречмера в *Kleinasi. Forsch.*, V, 1, H. 1, стр. 13, а также в статье „Хеттская проблема“ П. Ушакова, напечатанной в „Трудах“ Тбилисск. Унив. за 1941 г. (стр. 111), где он ссылается на мнение А. Гётце.

чтобы убедить его возвратиться. Ф. Зоммер об этом говорит следующее: „Sein Vater, der Gewittergott, sendet den Harana-Vogel als Boten nach ihm und zieht schliesslich auf den Rat der MAH selbst aus“. Последняя часть формально может относиться и не к богу грома и молнии, хотя, по контексту, отправляющийся на совещание этот „великий“, „высокий“, т. е. то, что означается этой сумерийской идеограммой MAH (по-немецки переводят „erhaben“), может быть только сам бог молнии и грома, отец бога Телиппу.

Наконец, выступает в нашем мифе птица ħarapa, что для меня представляет особый интерес. О ней говорится два раза. В первый раз она посылается за вестью к ушедшему и разгневанному богу Телиппу, а во второй раз, с возвращением этого бога, птица харана, видимо, для приветствия и из-за радости снова появляется на поверхности воды. Из этого следует, что она, во-первых, водяная птица и, во-вторых, является вестником, не говоря уже о том, что она может быть тем самым и символической фигурой самого бога весны. Спрашивается, какая же это птица, приносящая весточки и радующаяся возвращению бога весны. Немецкий ученый Ф. Зоммер совсем и не пытается перевести ее хеттское имя ħarapa и в немецком переводе мифа он оставляет это хеттское название („Harapa-Vogel“). Попытаемся перевести это слово, основываясь как на данных самого мифа о том, что она водяная птица, связанная в народном поверье с приношением вестей, так и особенно на данных этимологии самого имени. Последнее обстоятельство, как будет сказано немного ниже, говорит о том, что эта птица — журавль. Эта точно устанавливаемая мной этимология слова ħarapa, как названия журавля (resp. анста), удачно разрешает много проблем, относящихся как к данному мифу, так и к другим родным мифам или поверьям у других народов. Если придерживаться только интересов данного хеттского мифа, то значение harapa, как журавля или, быть может, анста, определенно говорит в пользу того, что Телиппу — бог весны, как это явствует и из других мифов или поверий: например, у армян при боге весны выступает анст. Во-вторых, эта птица не может „вынырнуть“ (auftauchen), как переводит Ф. Зоммер хеттский глагол текста, мне неизвестный. Этот хеттский глагол, несомненно, означает „появляться на поверхности воды“, а не „вынырнуть из воды“, как это может делать, скажем, утка. Журавль или анст не ныряют, хотя они и болотные или водяные птицы.

Теперь дадим самую этимологию этого слова. ħarapa — это латинская транскрипция хеттской клинописной передачи из трех клинописных знаков для ħa-ra-pa. В первом слоговом знаке звук ħ большей частью в хеттском звучал, как обыкновенное придыхание, подобно немецкому или латинскому h. Но в хеттском есть случаи, где это ħ передает или отображает и густой придыхательный звук, а именно — заднеязычный фрикативный (спирантный) x, как это произносится, напр., в русском. Так, напр., само национальное название

хеттов начиналось с этого твердого „х“, судя по изменению корня ха(т) в корень kat- или ket- в именах Katakonia, Katraduka (Каппадокия), в гомеровском имени народа keteoi, арм. khetacl (*քետացի*), взятом из Библии, (=греч *χέτιος*) и пр. Имя бога Tarhu писалось уже в самом хеттском также через Tarhu, что свидетельствует также в пользу твердого произношения согласного h, не говоря уже об этрусском Tarchon, арм. Torkh (*Տորք*) и пр., где это х (kh) также — твердое. Наконец, в хеттских текстах выступает и название ахейцев с этим твердым произношением (ahhata). Эти и подобные примеры говорят в пользу того, что писание h отражает и звук х (в семитическом, т. е. в вавилонском писании это нормативное явление). Следовательно, хеттское название птицы hahana правильное было бы писать „хагана“. Мы можем даже поставить вопрос, а не звучало ли это слово с начальным звонким фрикативом, т. е., как ḡahana. Ведь в клинописной передаче нет соответствующего знака и, следовательно, не исключается и такое произношение графически переданного h. Корень же хагана или ḡahana сохранился во многих индоевропейских языках со значением журавля, как имеем в бретонском gagan, галльском gagan—в сложном trigaranus „с тремя журавлями“, древнеангл. cran, древневерхне-нем. chran-uh (=нын. Kranich), греч. geranos и арм. krapk. Не нужно думать, что этот общий корень ḡagan или хаган—чисто звукоподражательный и, следовательно, сравнительно лингвистической ценности не имеет. Это было бы ошибочно, ибо тот же корень в другом видоизменении ghu- (=лат. grus, рус. журавль и пр.) выступает и у других индоевропейских народов, и, следовательно, независимо от первично возможного звукоподражательного характера, это гаган или хаган приобрело специфическое оформление только и только в определенных языках и с определенным точным значением „журавль“.

К каким же результатам мы приходим. Во-первых, у хеттов журавль является в роли вестника, а это фольклорное олицетворение продолжает существовать еще и поныне, напр., у арабов, турок, армян и др. Припомним хотя бы следующую строчку из армянской народной песни „Журавль“, где покинувший родные пределы обращается к журавлю и вопрошает: „Журавль, о нашей стране восточки не имеешь“? Во-вторых, это отношение журавля к весне¹ и ее обожествленному культу. У нас в Армении, Малой Азии и прилегающих странах журавль является только перелетной птицей и летом не остается. Следовательно, он только вестник весны, подобно ансту, который, хотя и остается летом, но также является вестником весны. Выяснение значения хеттского hahana, как названия журавля, ее функция

¹ Ср. обработанный Ов. Туманяном народный стих:

Չէ ո կը ո կոկոսն
 Կոռնկնեբը հա թասն,
 Կոռնկնեբի թեի տակ
 Եկան դարուն մեր դասն:

вестника и связи с богом Телипину, по моему, определенно говорят в пользу того, что эгот последний бог и действительно олицетворяет весну; и в этом отношении правы были Э. Форрер и А. Гётце, впервые указавшие на это. Возможно, что этот древнейший бог с половины второго тысячелетия постепенно вытеснялся или заменялся другим богом с тем же значением, имея в виду, что у хеттов же было божество поля и зелени (*ara*), выступающее у ряда и других народов с тем же названием (*Eg, Ag, Ağa*) и значением. Символом его является в Армении и, видимо, в долине Чороха птица анст, с которой связывается и плодovitость, а может быть и идея воскресения, что является неизбежным атрибутом вообще бога весны, как носителя идеи возрождения, плодородия и пр.

Вообще же говоря, хеттский миф о журавле и божестве весны Телипину имеет не только чисто местное значение. Я здесь хочу отметить специальное значение этого мифа особенно для армянских культово-фольклористических и отчасти этнокультурных интересов.

С этой точки зрения я уже отметил некоторую близость мотивов и олицетворяемости между хеттским мифом и сродным ему сказанием и культом армянского бога весны Ара с символами анста, рыбы и быка, как синкретического отображения функций этого Ара — *весны* (resp. воскресенья) и *зелени, воды*, т. е. ирригационного земледелия, *пастбища, размножения*, о чем подробно будет сказано в другом месте.

Здесь же мне хочется указать еще и на другую возможность, для полноты выяснения этимологии и значения хеттского бога весны — Телипину; эту возможность я вижу в лексических данных армянского языка. Уже в начале мной было отмечено, что название бога Телипину есть производное образование от простого *telip*, которое служит основой для греч. *Telephos*, ликийского *telebeht* и пр. В самом хеттском есть нарицательное „*telip*—боги“, как вид простых духов или божеств низшего порядка. А. Гётце в этом корне *tel(l)p* или *talp* (имея в виду протохеттское *Talipin*) предлагал видеть латинское *talpa* „крот“, откуда, мол, и получается своеобразное отображение и изменение облика этого хеттского божества. Я здесь предлагаю другое, более близкое объяснение, основываясь на данных армянского языка.

Основа интересующего нас слова звучала у хеттов *telip* (*telip*), причем „*p*“ нередко заменяется и звонким „*b*“. У ликийцев эта основа изменяется в *leleb*, а у греческих ахейцев, заимствовавших это слово у теутранийцев Мизии (в долине реки Кайкос), где *lelep* было как бы эпонимом этого племени („*Stammvater*“ по Кречмеру, см. *Kleinas. Forsch.*, стр. 13), этот корень преобразился в *teleph* (*telephos*), с приобретением своеобразного нового значения („далеко светящий“, „луч“, как сын глаза) на данных какой-то народной этимологии. Армянский же язык сохранил этот корень в виде *thep* со значением „злой дух“, не говоря о приведенном Ксенофонтом в „Анабазисе“ имени арм. реки *Teleboas*. Следовательно, хеттское нарицательное имя *telip* в

значении каких-то богов („telepi—боги“)¹ в армянском представлено метатезированно, т. е. с изменением места звуков *lp* на *pl*, хотя в армянской исторической фонетике ожидалось бы *lhelp*, т. е. неизменяемость хеттской формы. Это армянское слово сохранилось, во-первых, в древней магическо-астрологической книге „Ахтарк“ („Ախտարք“), где даются *Թեպղ* *therpλ* или *Թեպղա* *thpλa* со значением какого-то злого бога в образе человека с длинными волосами и рогами. Это слово упоминается вместе с другим, подобным же именем низшего духа *ալ ալ* (или *ալք alkħ*), см. у Алишана «Հին հաւատք», стр. 221. Но это же армянское слово сохранили и современные армяне города Марсуан в глубине Малой Азии, т. е. исторической Хеттии. Тут оно звучит *Թեպի* *thpłi* в значении какого-то духа, душащего новорожденных детей (см. у Ачаряна «Արմատական րաւարան»), хотя это же слово стало обозначать и самую болезнь детей, у которых в горле нарастает опухоль величиной в зерно, которое, разрываясь, умерщвляет дитя (см. у Ачаряна же «Գաղտնական րաւարան», стр. 381). Я, конечно, оставляю разные несуразные объяснения или этимологию этих *Թեպղ*, *Թեպղա* или *Թեպի*, что основательно отмечает и сзм Ачарян, как ложные объяснения. Древние- и новоармянские формы, т. е. *therpλ(a)* и *thpłi*, говорят в пользу более старого *therplł*, что в точности соответствует хеттскому *telplł*, звучавшему, несомненно, как *thelipi*, т. е. с придыхательным *th* (в хеттском аспираты особо не обозначаются). Но что значили в хеттском эти „телипи—боги“, были ли они добрые духи или злые, как у армян? Точно также неизвестно применение этого имени у ликийцев, где имеются производные *telebehl*, *telebehlja*. Если бы даже изначально эти „телипи—боги“ были добрые, как, скажем, у хеттов или ликийцев, что, конечно, трудно установить, то ничего трудного не представляет переход имени доброго духа или гения от одного народа или племени к другому, скажем, недружелюбному, в виде злого духа или гения. Напр., индоевропейское *dhev* значило „бог“ в хорошем смысле слова, что еще сохранилось у индусов, но у иранцев, а отсюда и у армян, этот *dev* означает уже злой дух. У армян *al*, как и у грузин, обозначает злого духа, но в слове *Tsovl-al*, „моря дух“, как имени матери богатырей Санасара и Багдасара, это *al* означает, несомненно, доброго духа, заменяемого в этом сложном имени большей частью словом *паг* (Թովիւր *Tsovl-pag*), что, по моим данным, означает „нимфу, русалку“ (см. мон „Хеттские боги у армян“, стр. 42—48). Армянский согласный *p* в слове *lhelp(a)* или *thpłi* нормативно должно восходить к более древнему, доармянскому звонкому *b*, так что армянские формы слова говорят в пользу древнего произношения *t(h)elibi*, что находим у ликийцев, а иногда и в самом хеттском клинописном правописании. Ср. также *Teleboas* (река в Армении).

¹ По этому поводу П. Кречмер говорит: „Dr. Ehelolf macht mich freundlichst auf die kürzere Namensform *te-li-pi* KBo. IV, 13, aufmerksam, die durch den unveröffentlichten Text Bo. 5728,5 bestätigt werde, der *te-ll-pi* Hl. A=„die Gottheiten *Telipi*“ biete“ (см. там же, 13).

В связи с данными мною разъяснениями генезиса имени и значения хеттского бога Телипину считаю нелишним привести из работы П. Ушакова „Хеттская проблема“ (в „Трудах Тбил. Унив. за 1941 г. стр. 111) то место, где затрагивается аналогичная проблема. В связи с находками ценных золотых и серебряных предметов из раскопок в Цалкинском районе Грузии автор говорит: „Среди предметов, обнаруженных при раскопках могил цалкинской культуры, особое внимание привлекает хранящийся ныне в Музее Грузии серебряный стаканчик с изображением ритуальной сцены: вереница людей с лисьими хвостами, головы которых скрыты под масками стилизованных кротов, направляется с дарами к сидящему на троне божественному владыке. Картина этой сценки выдержана в хеттском вкусе. Одевания нарисованных фигур хеттские. Повидимому, этот погребальный сосуд изображает сцену поклонения богу весны (и воскресения) Телипину, на протохеттском языке именовавшемуся Талипин¹. Этот древнейший бог у протохеттских племен Грузии мог играть роль владыки подземного мира, т. е. царства мертвых. Талипин, как протохеттский бог, хорошо известен по неситским и протохеттским надписям архива в Богазкее. От его имени, по всей вероятности, и произошло наименование животного подземного мира—крота (латинское talpa). Независимо однако от толкования ритуальной сцены на этом цалкинском стаканчике, наличие за 14—15 веков до н. э. в Грузии высокой культуры связывает древнейшее ее население с передовыми народами хеттского круга, и приходится допустить, что уже до гибели Хаттуса и хеттского царства хеттские племена были представлены в бассейнах рек Куры и Аракса*.

Конечно, трудно согласиться с наличием протохеттских племен в Грузии, в долинах Куры и Аракса, где фигурировал бы бог Телипину (Талипин). Наконец, проблематичны толкования сцен на стаканчике в связи с этим богом и кротообразными людьми с лисьими хвостами и пр., а также в связи с латинским talpa „крот“, что может быть совершенно случайным, не говоря уже о трудности переходов семасически-ритуального порядка и взаимосвязи непосредственно с этим латинским миром. Правда, в лексическом отношении наблюдаются некоторые более близкие встречи в хетто-латинском лексиконе, чем у других, но это нас не обязывает непременно принять вышеприведенное толкование.

Мне думается, что приведенные вначале объяснения имени и отчасти значения хеттского бога Телипину так, как это отчасти выявляется благодаря работе П. Кречмера и отчасти моей, данной в настоящем маленьком исследовании, совместно свидетельствуют о первичности имени telipi (=арм. thepi) в значении названия каких-то богов или духов низшего порядка и, вероятно, с положительными

¹ П. Ушаков ссылается на A. Götz, Kleinasien (Kulturgeschichte des Alten Orients, München, 1931) стр. 123, 126, 134—136.

(добрыми) функциями, хотя армянский пример говорит об обратном значении. Вообще же я должен подчеркнуть, что многие теоретические подходы, исследования, штудии, этимологии и пр., трактующие проблемы хеттской культуры и особенно языка, во многом и часто будут лишены полноты и точности, покуда к ним не будут присоединены данные культуры и языка и восточной части Малой Азии, а также Закавказья. Особенно я бы отметил богатые возможности армянского языка. Мной уже было указано, что армянский язык сохранил не менее одной сотни слов, сродных по значению и фонетическо-точному облику с соответствующими хеттскими словами, не говоря уже о наличии также общих словообразующих и грамматических частиц—формативов. Точно также мной было особо отмечено наличие в армянском некоторого количества имен богов, определено тяготеющих к Западной Малой Азии, в частности к хеттскому миру. Так, помимо еще указанного Н. Марром соответствия арм. *astuac* „бог“ фриго-фракийскому *Savazlos* (или *Suazlos*), как собственному имени их верховного божества, мы указали с нашей стороны на соответствия—арм. *Ara*=хеттскому *Ara* (памфильскому *Êr*); арм. *nar* (в словах *Tsovinar*, *Oskinar*, *Helinar* и **narln*>*purin* „нимфа“)=хеттск. *Nara* (греч. *Nereus* и пр); арм. *Torkh*=хеттск. и малоаз. *Tarku* (Тагху, „Tarchon“); арм. *hpit* „неженка“, „обольстительница“, „кривляка“=хеттск. и хурро-мит. *Herit* (верховная богиня с эпитетом *mušni* „прекрасная“?); арм. *Mazan*, как имя верховного жреца Ормузда, впоследствии обожествленное=лидийск. *Masan-es*, т. е. богу неба; арм. *ճիճալ*—„чудовище“=хеттск. *Zavall* (с тем же значением).

В этой работе я указал также на соответствие арм. *thepti*, как названия особого злого духа, хеттскому имени, вероятно, подобных же богов *telipi*, откуда образуют и имя бога весны *Teliripi*. В порядке научного предложения я бы здесь указал и на возможность объяснения второй части имен двух богов из хеттского и хурро-митаннийского мира, а именно хеттского отца богов *Kumarri* и хуррийского *Nararri*, считающегося божеством подземного царства¹. Эта вторая часть *arri*, возможно, значила „небесный свет“ или просто „свет“, имея в виду арм. *arh* или *arhi* со значением небесного света. Но тогда что бы значили первые части *Kum-* и *Nar-*? Для последнего я бы предложил значение либо „бог“, имея в виду эламское пар „бог“ (следовательно, *Nararri* божественный свет), либо же это пар- сопоставил с сум. *paar* „небо“, хеттск. *per-is* „небо“, рус. небо, лат. *nebula*, арм. *amr* „облако“ и пр., т. е. понимая это хурритское *Nararri* как „небесный свет“. Возможно, что и имя хеттского боготца *Kumarri* также имело подобное же сложное значение, т. е. *Kum* значило „небо“ и т. п. (ср., быть может, и груз. *უმ-ერილი* „бог“, где

¹ В древнейших клинообразных текстах боги *Nararri* и *Partharri* отождествляются с Нергалом (см. у П. Ушакова „Хеттск. проблема“, стр. 92, ссылающегося на книгу Артура Унгнада „*Subarthu*“, стр. 67).

последнее *erthi* немного сходится с *urta* в имени вавилонно-сумерского бога (*Nin-urta*)¹. Нужно предполагать, конечно, что в этих языках, особенно в армянском, сохранились и другие сравнительно лингвистические, фольклористические и иные возможности, касательно их генезиса с древнемалоазийскими („азнаническими“) языковыми и этнокультурными элементами, но пока, за наименее точных данных, большего вскрыть не удастся. В этом отношении неправильно поступают европейские филологи, когда почти не используют богатых возможностей живых представителей этой древней малоазийской культуры.

К каким же результатам приводит нас это исследование хеттского мифа? Какие частные и общие выводы можно сделать?

Во-первых, имя водяной птицы-вестницы нужно читать хагапа или гагапа и на основании наличия этого корня (в некоторых индоевропейских языках (кельтских, германских, греч. и арм.) нужно перевести через „журавль“. Вследствие этого хеттский глагол, переводимый Ф. Зоммером через „вынырнуть“ (*aufstanchen*), нужно исправить в переводе через „показаться на поверхности воды“. Роль вестника для журавля свойственна и фольклору других народов.

Во-вторых, бог Телипину не только связан с плодородием, согласно мифу, но и с весной, имея для этого своим символом вестницу весны—журавля, являющегося для Малой Азии только перелетной птицей. Мнение Э. Форрера и А. Гётце о характере бога Телипину подтверждается еще тем, что подобную же связь мы видим между божеством весны у армян Ага и водяной птицей аистом.

В-третьих, этимология имени Телипину с суффиксом, вероятно, уменьшительно-ласкательного характера *-lpu* из простого *tellpi*, представленного в хеттском („телипи—боги“), греческом и ликийском языках, точно определяется данными армянского *thēpl* или *thēplī*, имевшего значение какого-то злого духа. Наличие в армянском до десятка имен разных божеств западно-малоазийского происхождения, помимо других, не менее веских данных, свидетельствует о малоазийском происхождении армян.

Наконец, изучение нашего маленького, хотя и дефективного, но очень содержательного хеттского мифа выходит за пределы чисто хеттского культурного интереса и многими своими сторонами и мо-

¹ В надписи хеттск. царя Муришпа о походе в страны Барга и Каргамниш (см. *Vogh. Studien*, III, стр. 138 и сл.) упоминается полундеографический имя царя города Яруватта страны Барга, по имени *EN-ur-taš*, что, вероятно, равносильно фонетическому *Ninurtas*. Для *urta* ср. *-utra* в имени *Ksis-utra* (= *Atra-xšijš*).

По Иосифу Флавия в армянской области Софена (*Տոփո*) был царь Адразар, сын Арая, что по моему есть осмысление и перестановка из *Zariadr*, любимого имени софенских армянских царей. Вероятно *Adra-||utra-* в словах *Zariadr(a)*, *Ksis-utra* и т. п. есть и в семитическом имени *Adra-melex*, сыне Синахериба. Значение этого *adra* мне не известно. Едва ли *-erthi* в грузинском *γmerthi* „бог“ и *-urta* в имени семитического бога *Ninurta* тождественны по значению со словом *adra* в *Adra-zar*, *Adra-melex* и др.

тивами соприкасается и с другими аналогичными поверьями соседних и дальних народов. Недаром на одном камне на южном склоне Саянских гор (около села Туран) выведены фигуры аистов, а камень-стела, видимо, поставлена для бога весны.

В заключение хочется коснуться и характера этой работы, ее актуальности. Конечно, затронутая мной тематика далека от непосредственной современности, хотя многие стороны этой темы продолжают бытовать и сейчас в живом фольклоре нашего и других народов. Несмотря на всю сухость изложенного мною материала и его исследования, я все же должен подчеркнуть, что любой древний фрагмент или штрих должен быть использован, подобно тому, как можно вывести из сырого материала древнеармянской топонимики свидетельства былых этнических, религиозно-идеологических, техниче-ски-строительных и других отношений, не сохранившихся у древних писателей. Нужно выжать из подобных, хотя и отживших, материалов все то, что способно более или менее осветить прошлое судеб нашего народа, особенно на заре его исторического становления.